

Долги промышленных рабочих России в конце XIX — начале XX в.

Вячеслав Волков

Debts of industrial workers in Russia at the late 19th — early 20th century

Vyacheslav Volkov

*(Military Institute (railway troops and military communications)
of the Military Academy of Logistics named after A. V. Khrulev,
Saint Petersburg, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X23010091, EDN: POPCTW

Долги играли существенную роль в жизни промышленных рабочих России конца XIX — начала XX в. Они имели разнообразные формы, которые можно свести в три большие группы: долговые обязательства кабального найма, долги перед государственными или сословно-корпоративными институтами и гражданско-правовые долговые отношения с частными лицами. Предметом исследования данной статьи являются первые две формы, что обусловлено их ключевой ролью в развитии трудовых отношений в русской промышленности.

Сущность и содержание кабалы на промышленных предприятиях России ранее были мною подробно рассмотрены¹. Напомню, что в конце XIX в. кабальными рабочими назывались «те труженики, которые получают неимоверно низкую заработную плату, благодаря тому, что нанялись в то время, когда до зарезу нуждались в деньгах или благодаря тому, что задолжали нанимателям»². Следовательно кабальный наём представлял собой кредитную операцию, долг по которой отдавался трудом должника с большими процентами. Он являлся своего рода прикреплением работника к определённым видам трудовой деятельности, так как уходу от «нанимателя» изначально препятствовала ростовщическая ссуда. Однако кабальный наём не был только пережитком крепостного права послепетровской эпохи, развиваясь и как вполне самостоятельный феномен на основе смещения ростовщической сделки из сферы продажи личности наймита для осуществления трудовых операций в сферу продажи им уже своей рабочей силы, но с неминуемым ограничением его прав как личности.

В наёмную кабалу попадали за прошлые долги, в виде кредитного найма или прямо через ростовщическую кредитную операцию. В первом случае, когда крестьянин голодал или на нём копились недоимки, кулак или помещик ссужали его деньгами для уплаты податей и заставляли отдать долг или товарами, или работой в артели, создаваемой кулаками-подрядчиками³. Вторая форма

© 2023 г. В.В. Волков

¹ Волков В.В. «Дёшево и сердито». Рынок труда в Европейской России в конце XIX — начале XX в. Ч. I. СПб., 2016. С. 526–573.

² Макаренко А. Отхожие и кабальные рабочие // Юридический вестник. Т. 26. 1887. Кн. 4. С. 736.

³ Там же. С. 738; В.В. Артели для подрядных и наёмных работ // Новое слово. 1896. № 11. Август. С. 36; Триогов В. Община и подать. СПб., 1882. С. 192; Флеровский Н. (Берви В.В.) Положение рабочего класса в России. М., 1938. С. 116, 136, 142, 144, 221, 229.

зависимости рабочих была связана с таким повсеместным явлением в российской промышленности как устройство на работу в долг⁴. К этому нужно отнести продовольственное и иное бытовое кредитование уже ранее нанятых рабочих, так как данная задолженность привязывала их к предприятию. В третьей ситуации обеднение приводило к тому, что крестьянин не мог сам убыть в отхожие промыслы и был вынужден прибегать к услугам посредников⁵.

В советской и постсоветской историографии освещались лишь отдельные стороны проблемы долгов промышленных рабочих дореволюционной России. Так, Э.Э. Крузе, Ю.И. Кирьянов, Л.В. Куприянова, И.Г. Напалкова и Т.В. Доронина в своих исследованиях фиксировали повсеместную продовольственную и иную задолженность рабочих как фабрикантам, так и отдельным лавочникам⁶. При этом Доронина охарактеризовала данные отношения как кабальные⁷.

Масштабы кабальной задолженности рабочих России до сих пор не выяснены. Этому мешают, как минимум, два объективных обстоятельства. Во-первых, источники по данной проблеме (ресконтро рабочих⁸, книги записи их долгов, ведомости состояния счетов и др.) имеются лишь по некоторым фабрикам и заводам. Во-вторых, они зачастую не дают ясного представления о характере задолженности. В результате вопрос о количественном аспекте связи долга и наёмных отношений работника и фабриканта остаётся открытым.

Реконструкция реального положения дел возможна только по данным отдельных предприятий. Например, по состоянию на 1 января 1915 г. на Покровском стекольном заводе 203 выбывших в 1914 г. рабочих имели задолженность перед предприятием в размере 1178 руб. 67 коп., а 813 «действующих» рабочих — 104 руб. 29 коп. Таким образом, в среднем на каждого уволившегося задолжавшего рабочего приходилось 5,66 руб. долга, на каждого «действующего» должника — 13 коп., а в целом на каждого должника приходилось 1,25 руб. Эти данные показывают, что при общем небольшом уровне задолженности рабочих заводу 20–25% из них имели серьёзные долговые проблемы⁹.

Согласно ресконтро 106 рабочих завода точного машиностроения И.А. Семёнова 18 из них в 1905 г. имели задолженность предприятию за 1904 г. в размере 698 руб., при этом 53 были должны 1371,86 руб. уже за 1905 г. 14 рабочих имели долги за два года, поэтому в целом на всех должников в среднем прихо-

⁴ Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. II. Екатеринослав, 1886. С. 240; *Микулин А.А.* Фабричная инспекция в России. 1882–1906. Киев, 1906. С. 81.

⁵ Доклад крестьянина Г.П. Караулова об отхожем промысле // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XIX. СПб., 1903. С. 864.

⁶ *Крузе Э.Э.* Условия труда и быта рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1981. С. 131–138; *Кирьянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М., 1979. С. 153; *Куприянова Л.В.* «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX — начале XX вв. (URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/Kupriyanova.htm>); *Доронина Т.В.* Повседневность рабочего класса Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. С. 109–111; *Напалкова И.Г.* Рабочий вопрос в России в XIX — начале XX века: традиции социального патернализма. Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005. С. 122–123.

⁷ *Доронина Т.В.* Повседневность рабочего класса Западной Сибири... С. 195.

⁸ Ресконтро — бухгалтерская книга лицевых счетов, для открытия отдельных счетов каждому должнику и заимодавцу. В ней путём списывания и приписывания сосредоточены в виде окончательных остатков (сальдо) суммы, расположенные на двух противоположных страницах (дебетовой и кредитовой) (Ресконтро // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXVIа. СПб., 1899. С. 608).

⁹ ЦГИА СПб, ф. 1449, оп. 2, д. 11, л. 1–33.

дилось 35,68 руб., а на всех рабочих, представленных в ресконтро, — 19,52 руб. Это свидетельствует о настоящей долговой зависимости от предприятия более половины рабочих (58 человек). В некоторых случаях размеры задолженности были колоссальными. Так, слесарь А. Энсар задолжал заводу за 1904 г. 271 руб. и 5 руб. за 1905 г., слесарь М. Дмитриев — 112 руб., строгальщик Г. Калмыков — 66,76 руб., токарь Г. Зубов — 58 руб., токарь А. Андерсон — 55 руб. До 20 руб. имели задолженность 26 человек (44,83%), с 20 до 40 руб. — 11, с 40 до 60 руб. — 12, с 60 и выше — 9¹⁰. За 1906 г. долг составил уже 1423,68 руб. До 20 руб. имели задолженность 17 человек (47,22%), с 20 до 40 руб. — 6, с 40 до 60 руб. — 4, с 60 и выше — 9. При сокращении количества должников (с 53 до 36) возросло число хронических (с 14 до 20). Средний долг в 1906 г. возрос до 39,54 руб. (25,88 руб. в 1905 г.)¹¹. В целом за 2 года число задолжавших рабочих выросло в 2 раза.

В 1902 г. 42 рабочих Петербургского проволочно-гвоздильного завода задолжали предприятию 882,15 руб. В 1911 г. долг достиг уже 1700,33 руб. на 70 должников¹². При этом доля мелких должников (до 20 руб.) уменьшилась с 69,05% (29 от 42) до 65,71% (45 от 70).

Несколько иная ситуация сложилась на Путиловской верфи, где в 1913 г. за многими из рабочих остался долг Путиловскому заводу в размере 1240,64 руб. Всего перешедших должников было 128, на каждого приходилось в среднем 9,69 руб. Здесь наблюдалось преобладание мелких должников (до 20 руб.) — 116 человек (90,62%). Однако были и те, кто задолжал много: к примеру, у И. Метлина — 154,65 руб., у В. Емельянова — 81,57 руб.¹³ К 1 мая 1913 г. задолженность рабочих этому предприятию составляла 500,66 руб.¹⁴

За 1911 г. рабочие Невской писчебумажной фабрики получили в долг от предприятия 3734 руб., и с их зарплаты в счёт погашения долга было удержано 3022,7 руб.¹⁵ Разницу в 711,3 руб. следовало взыскивать с рабочих уже в следующем году, по аналогии с удержанием 276 руб. в январе 1911 г. остатка долга за 1910 г. Это говорит о том, что отношения найма на данном предприятии функционировали только благодаря специфическим займам, которые предоставлялись рабочим и погашались ими ежемесячно. О распространённости этой практики свидетельствует, например, ведомость об удержании с мастеровых и рабочих депо станций Дно и Псков-II долга по продовольственной части за 1915 г.¹⁶ и вычеты долга с рабочих Петроградского проволочно-гвоздильного завода за 1914 г.¹⁷

В ряде документов зафиксированы ежемесячные вычеты и остатки по долгам. Например, с рабочего депо станций Дно и Псков-II В. Кочеткова в 1915 г. было удержано только за продовольственные долги: за январь — 6,27 руб., февраль — 20,61, март — 30,36, апрель — 13,07, май — 26,60, июль — 30,07, август — 22,15, сентябрь — 32,87, октябрь — 27,95, ноябрь — 37,17 руб.¹⁸

¹⁰ Там же, д. 221, л. 1–348.

¹¹ Там же, д. 237, л. 1–346.

¹² Там же, ф. 1299, оп. 4, д. 6а, л. 1–2; д. 17а, л. 2–2 об.

¹³ Там же, ф. 1270, оп. 8, д. 144, л. 1–3.

¹⁴ Там же, л. 5–5 об.

¹⁵ Там же, ф. 1189, оп. 1, д. 451, л. 43 об.–45.

¹⁶ Там же, ф. 1361, оп. 1, д. 1262, л. 1 об.–5.

¹⁷ Там же, ф. 1299, оп. 4, д. 25а, л. 1.

¹⁸ Там же, ф. 1361, оп. 1, д. 1262, л. 1 об.

Итого 247,12 руб., что было близко к среднегодовому заработку рабочих на фабриках и заводах, где применялись штрафы (251 руб. в 1911 г.)¹⁹. Однако уровень продовольственных долгов на этом предприятии в 1915 г. был дифференцированным. Так, с рабочего М. Гаврилова за год удержали 49,9 руб., с К. Меньшикова — 85,6, М. Богданова — 97,97, С. Филиппова — 107,83, В. Абаринкова — 119,36, М. Чеброва — 133,48, И. Ильина — 150,74, Н. Ларионова — 229,95²⁰.

Помесячный приход и расход долгов подтверждает наблюдение старшего фабричного инспектора А.А. Микулина: «Наш фабричный рабочий живёт в большинстве случаев не на имеющиеся у него средства, а на те, которые будут им лишь в будущем заработаны. Приходя наниматься на фабрику, рабочий очень часто доходит до места почти без копейки и, для того чтобы иметь возможность работать, должен немедля получить от хозяина в кредит под будущую заработку харчей или денег. Проработавши известное время до первого получения денег, он получает уже не всю заработанную сумму, а часть её, иногда бóльшую половины, он оставляет за забранные вперёд харчи и получает на руки половину или немного более всего заработка; эти деньги тотчас у него уходят или на отсылку в деревню, или на удовлетворение других своих нужд, и он опять идёт с просьбою выдать ему вперёд харчи под заработку»²¹. По каким же статьям расходов могли кредитоваться рабочие? В первую очередь — в счёт продовольствия, взятого в лавке фабриканта, затем — за взносы предпринимателя на страхование рабочих, штрафы, плату за проживание, за баню и прочие бытовые удобства²².

Выдача таких кредитных авансов только что нанятому рабочему была широко распространена не только в фабрично-заводской промышленности, но и в горном деле²³. Потеряв заработок в глухих малонаселённых шахтёрских местностях, он часто не мог уехать на поиски работы и вновь попадал в долговую кабалу к хозяину предприятия, из которой «не известно, когда в состоянии будет выпутаться»²⁴. На предприятиях всегда существовал большой контингент рабочих, имевших после сезона долги в виде штрафов, продовольствования в долг по завышенным ценам в хозяйских лавках, получения ссуд и др. «Есть такие рабочие, — писал Н.М. Черёмухин, — которые приезжают впервые в надежде на хороший заработок, но вскоре, после ряда всевозможных мытарств, в этом разочаровываются и мечтают поскорее уехать на родину, но отсутствие средств и накопившиеся долги надолго приковывают такого рабочего к месту»²⁵.

Именно поэтому фабриканты и заводчики направляли своих агентов в одни и те же районы для вербовки рабочих — здесь всегда было достаточное количество должников²⁶. Плотники, каменщики, столяры, маляры, паркетчики, кровельщики, водопроводчики брали у подрядчика в счёт будущего заработка

¹⁹ Свод отчётов фабричных инспекторов за 1912 год. СПб., 1913. С. XLIX.

²⁰ ЦГИА СПб, ф. 1361, оп. 1, д. 1262, л. 1 об.

²¹ *Микулин А.А.* Фабричная инспекция в России. 1882–1906. Киев, 1906. С. 81.

²² ЦГИА СПб, ф. 1149, оп. 2, д. 9, л. 1–72.

²³ *Быков А.Н.* Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб., 1909. С. 194.

²⁴ Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. II. С. 240.

²⁵ *Черёмухин Н.М.* Как живут и как питаются рабочие Рыковских копей в пос. Юзовка // Врачебно-санитарная хроника Екатеринославской губернии. 1910. № 1. С. 5.

²⁶ *Сулима К.П.* Свеклосахарное производство в санитарном отношении. СПб., 1892. С. 87.

деньги на дорогу и на разные неотложные расходы для деревенского хозяйства. Тем самым они «закабаливали себя» и должны были работать по той цене, какую назначал подрядчик²⁷.

Суть рассматриваемого феномена была верно подмечена в 1886 г. земскими исследователями Екатеринославской губ.: «Собственно говоря, вся система отношений капиталистов здешнего каменноугольного производства к рабочим построена на том, чтобы как-либо удержать их в пределах этого каторжного труда»²⁸. Через 25 лет этот вывод был официально подтверждён для всей промышленности России. В Своде отчётов фабричных инспекторов за 1911 г. отмечалось, что «невыдача и задержание заработка объясняются, кроме недостатка у заводоуправлений наличных денег, иногда также и стремлением заведующих промышленными заведениями, преимущественно мелкими, удержать таким путём рабочих от ухода с работы, а в случае свершившегося уже ухода — возместить свои убытки»²⁹.

Нужда и несвоевременная выдача заработной платы заставляли рабочих прибегать к невыгодному кредиту у предпринимателя³⁰. Их снабжение на большинстве фабрик и заводов до 1890-х гг. происходило только через продовольственные лавки, принадлежавшие хозяевам или зависимым от них лавочникам. «Рабочие имеют возможность получать продукты в кредит, в счёт будущего и имеющегося заработка», — отмечалось в исследовании Екатеринославского губернского земства³¹. При этом, согласно отчёту фабричного инспектора Владимирской губ. П.А. Пескова, «только на очень немногих фабриках и заводах все покупки производятся на наличные деньги»³². Чаще всего для получения товаров использовались книжки или другие бумажные знаки³³. Цены в фабричных лавках одной и той же местности сильно варьировались и в целом отличались от рыночных на 20–80%³⁴, в лавках шахтовладельцев и горных подрядчиков — в 1,5–2 раза³⁵. В 1880-х гг. хозяева наживали от лавочной торговли от 8 до 10 тыс. руб. чистого барыша. Причём иногда они сдавали свои лавки в аренду с условием выплаты им определённой суммы³⁶. Даже после издания закона от 3 июня 1886 г., затруднившего деятельность продовольственных лавок, встречалась старая практика продовольственного обеспечения рабочих. Особенно это было характерно для предприятий, расположенных в сельской местности Центрального промышленного района³⁷. Фабричный инспектор 3-го участка Костромской губ. писал в отчёте за 1901 г.: «Наиболее обращавшими внимание

---

²⁷ *Казаринов Л.* Отхожие промыслы Чухломского уезда // Труды Чухломского отдела Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. II. Чухлома, 1926. С. 10.

²⁸ Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. III. Екатеринослав, 1886. С. 376–377.

²⁹ Свод отчётов фабричных инспекторов за 1911 год. СПб., 1912. С. LXIII.

³⁰ *Кирьянов Ю.И.* Указ. соч. С. 140–141.

³¹ Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. III. С. 375–376.

³² Фабричный быт Владимирской губернии. Отчет за 1882–1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Владимирского округа П.А. Пескова. СПб., 1884. С. 103.

³³ Там же. С. 102.

³⁴ *Пажитнов К.А.* Положение рабочего класса в России. Т. II. Л., 1924. С. 264–265.

³⁵ История рабочих Донбасса. Т. I. Киев, 1981. С. 44.

³⁶ *Эрисман Ф.Ф.* Пища рабочих на фабриках Московского уезда // Шестой губернский съезд врачей Московского земства [Протоколы заседаний и труды]. Февраль–март 1882 г. М., 1882. С. 176–177.

³⁷ *Крузе Э.Э.* Положение рабочего класса в России в 1900–1914 гг. Л., 1976. С. 186.

жалобами рабочих на заведующих должны быть отмечены жалобы на принуждение брать вместо денег товар, харчи». В Костромской губ. в 1900 г. 10% зарплаты фабричным рабочим выдали продуктами³⁸.

То же явление присутствовало и в горной промышленности: «Приходится пожалеть, что, отпуская в кредит продукты, кладовая рудника продаёт их по более возвышенным ценам, сравнительно с ценами тех же продуктов на местных рынках, берёт довольно высокий % за капитал в товарах, идущий в кредит, и не поступает своими утилитарными стремлениями в пользу рабочих, хотя бы в виду того, что контора рудника сама кредитуетя на значительную сумму у них без всякого %»³⁹. На Донбассе в 1902–1913 гг. имели место многочисленные факты невыплаты зарплаты шахтёрам и их принудительного продовольственного кредитования в лавках хозяев или подрядчиков⁴⁰. И.Х. Озеров в 1910 г. зафиксировал, что на Урале «некоторые заводы не платят подолгу или платят так называемыми талонами. При расплате за товары в лавках этими талонами рабочие теряют или теряли 20–50%, притом нередко бывает так, что спрашивают они, например, сахару в лавке, а им предлагают залежавшееся мыло и бруснику. Делать нечего, приходится брать, так как талоны берут только в некоторых лавках. Затем это мыло или бруснику надо идти продавать в другую лавку, и только тогда, в результате этой сложной операции, мастеровой получает нужный ему сахар»⁴¹.

В России по ст. 99 Устава о промышленности фабричной и заводской, внесённой законом от 3 июня 1886 г., расплата с рабочими вместо денег купонами, условными знаками, хлебом, товарами и иными предметами была запрещена и каралась по ст. 155 этого же устава штрафом в размере от 50 до 300 руб. Однако законодательство не запрещало устройство фабричных лавок, в которых хозяин мог устанавливать совершенно произвольные цены⁴².

Совещание Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия, рассмотрев 3 октября 1898 г. представление старшего фабричного инспектора Гродненской губ. от 3 апреля 1897 г. «О выдаче рабочим определённого, установленного заранее количества необходимых предметов продовольствия»⁴³, приняло решение издать общий циркуляр фабричной инспекции на основе редакции заключения фабричного ревизора Ф.В. Фомина⁴⁴. В нём отмечалось, что в п. 2 ст. 106 (а также в ст. 140 и п. 4 ст. 142) Устава о промышленности имеется прямое указание на то, что при найме рабочих на фабрики и заводы в договоре могут быть определены условия расплаты за работу продовольстви-

³⁸ *Егоров Е.А.* Заработная плата рабочих Северо-Восточных губерний Центрально-промышленного района России (1900 – февраль 1917 г.) // Рабочий класс Центра страны и Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1981. С. 75–76.

³⁹ Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. III. С. 376.

⁴⁰ *Серый Ю.И.* Рабочие Юга России в период империализма (1900–1913 гг.). Ростов н/Д, 1971. С. 202–204.

⁴¹ *Озеров И.Х.* Горные заводы Урала. М., 1910. С. 40.

⁴² По проекту правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности, и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих, и об увеличении числа чинов фабричной инспекции (ПСЗ-III. Т. 6. СПб., 1888. № 3769; Устав о промышленности фабричной и заводской изд. 1893 г. // Свод законов Российской империи. Т. 9. СПб., 1900. С. 757, 780–781); *Цитумский В.Ф.* Становление и развитие отношений социального партнёрства в сфере труда в Российской империи. М., 2012. С. 163.

⁴³ РГИА, ф. 20, оп. 13а, д. 55, л. 4.

⁴⁴ Там же, л. 9.

ем, квартирой и другим натуральным довольствием. «Действительно, — указывалось в циркуляре, — во всех случаях, когда рабочий по договору бесплатно пользуется от фабриканта пищей, квартирой, баней и т.п., — эта пища, квартира, и пр[оч]. представляют собой не что иное, как заработную плату (или часть её). Из изложенного ясно, что ст. 99 Уст[ава] вообще не запрещает расплату с рабочими хлебом и другими предметами, если такая расплата точно обусловлена договором [найма], и имеет ввиду лишь те случаи, когда это производится названными предметами вместо денег, следующим рабочему по договору найма. (Даже в последнем случае, согласно решению Угол[овного] кас[сационного] деп[артамента] Правительствующего Сената по делу Калушкина 1876 г. № 153, уголовное преследование фабриканта может быть учинено лишь тогда, когда расплата разными предметами вместо денег имела принудительный для рабочего характер)»⁴⁵. Тем самым Министерство финансов разъяснило своим циркуляром, что расплата натурой только тогда преследуется уголовным законом, когда она имеет принудительный характер.

Кроме того, в ст. 100 указывалось, что «при производстве рабочим платежей не дозволяется делать вычеты на уплату их долгов. К числу таких долгов не относятся, однако, расчёты, производимые фабричным управлением за продовольствие рабочих и снабжение их необходимыми предметами потребления из фабричных лавок». Это предоставляло хозяину право взыскания с заработной платы стоимости забранных в лавке товаров, что вело к узаконенной возможности для работодателей продолжать прежнюю практику натуральной оплаты работников⁴⁶.

Для обеспечения формальной стороны данных отношений Гражданский кассационный департамент Сената принял решение, что «всякого рода документ, независимо от его внешней формы (т.е. будет ли это письмо, счёт, реестр, квитанция, удостоверение, свидетельство и т.п.), если он выражает собою признание долга, составляет долговое обязательство»⁴⁷. Поэтому все канцелярские документы предприятий, в которых фиксировались задолженности рабочих, обладали юридической силой.

Взыскание государственных податей и других сборов также могло производиться из заработной платы, что в 1895 г. было установлено законодательно и закреплено в ст. 100 Устава о промышленности фабричной и заводской: «При взысканиях податей и других сборов из заработной платы рабочих на фабриках, заводах и мануфактурах с рабочего может быть удерживаемо при каждой отдельной расплате не более одной трети причитающейся ему суммы, если он холост, и не более одной четверти, если он женат или вдов, но имеет детей»⁴⁸. В отношении Департамента торговли и мануфактур от 1 августа 1895 г. № 17.202, направленном в Департамент окладных сборов, разъяснялось, «что под упоминаемыми в законе 22 мая с.г. податными и другими сборами следует разуметь исключительно казённые и мирские повинности (и недоимки по ним), за исправное поступление коих отвечает каждое сельское общество круговую порукою, выкупные платежи и продовольственные ссуды; засим все

⁴⁵ Там же, л. 7—7 об.

⁴⁶ Канель В.Я. Рабочий договор. Ч. I. М., 1907. С. 46.

⁴⁷ Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Кн. 4. М., 2004 (URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/36/>).

⁴⁸ ПСЗ-III. Т. 15. СПб., 1895. № 11702; Устав о промышленности фабричной и заводской изд. 1893 г. С. 757.

остальные перечисленные в п. I сего отношения платежи и взыскания не могут быть подводимы под действие означенного высочайшего повеления»⁴⁹. Устанавливалась ответственность за взыскание долгов и на женщин-работниц, которые не являлись домохозяйками. На одобрение департамента окладных сборов выносился также вопрос о расходах на доставку получателям взысканных с должников сумм. Фабричным управлениям предлагалось отправлять казённые повинности и сборы через «ближайшее казначейство». Все остальные учреждения и лица должны были «сами озаботиться изысканием наиболее удобных для них способов получения этих удержаний»⁵⁰.

Требование о взыскании податей и других сборов из заработной платы было позже подтверждено и закреплено в статьях 50 и 52 «Положения о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ», принятом 23 июня 1899 г.⁵¹ Причём теперь взыскание долга трактовалось гораздо суровее — не как «удержание», а как «наложение ареста на заработную плату», хотя женщины выводились из-под действия данных статей.

Общий порядок взыскания долгов регламентировался в первую очередь «Сводом губернских учреждений». По ст. 682 полиции предписывалось взыскивать недоимки и всякие казённые и общественные сборы, начёты и платежи «по предписаниям высших и сообщениям разных мест»⁵². Это согласовывалось с требованиями ст. 708, по которой полиция начинала свои действия «по приказанию начальства; по требованию других, имеющих на то право, мест и лиц; по донесениям подчинённых; по прошениям, жалобам и объявлениям частных лиц; наконец, и по собственному своему усмотрению»⁵³. В столице полицейские установления «с равными местами и лицами» сносились сообщениями, «с низшими — предписаниями» (ст. 945). В ст. 946 указывалось: «По всем предметам, относящимся к ведению полиции, высшие и низшие правительственные и судебные места и власти, со всеми своими требованиями, обращаются прямо в надлежащие полицейские установления столицы»⁵⁴.

На деле это происходило примерно по такому сценарию. 24 января 1909 г. ошмянский городской староста направил отношение приставу 1-го участка Рождественской части Санкт-Петербурга: «По раскладке 1908 г. на взыскание с ошмянских мещан на общественные надобности денег, утверждённой Виленским губернским правлением, с мещан[ина] г. Ошмяны Владислава Сильвестрова Разульского-Размысловского следует недоимки общественных повинностей 2 руб. Вследствие чего имею честь просить о взыскании с него означенной недоимки и деньги прислать мне, и сообщить. Жительство г. СПб. Служит в СПб № 4 казённом винном складе». Пристав 3-го участка Нарвской части 17 февраля 1909 г. направил это отношение в указанный склад. После взыскания недоимки и 16 коп. за пересылку отношения заведующий складом 27 февраля доложил об этом приставу⁵⁵.

⁴⁹ РГИА, ф. 20, оп. 13а, д. 139, л. 2 об.

⁵⁰ Там же, л. 3.

⁵¹ Положение о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ (ПСЗ-III. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17286).

⁵² Свод законов Российской империи / Под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. Кн. 1. СПб., 1912. С. 84.

⁵³ Там же. С. 88.

⁵⁴ Там же. С. 118–119.

⁵⁵ ЦГИА СПб, ф. 1281, оп. 1, д. 248, л. 19–19 об.

Процедура могла проходить и по несколько иному алгоритму: недоимщик сразу по прошению властей места его приписки вызывался в полицию и там составлялись соответствующие документы для отправки их руководству предприятия. Например, приставу 3-го участка Нарвской части Санкт-Петербурга поступило отношение от мещанского старосты Старого Оскола от 16 февраля 1909 г. о взыскании 2,5 руб. общественных повинностей с рабочего К.А. Некрасова. Ввиду отсутствия у него денег для оплаты долга околоточный надзиратель взял с него заявление: «Взыскание прошу обратить на жалованье, получаемое мною в СПб казённом № 4 винном складе» и доложил об этом по команде. Далее все документы с сопроводительным письмом пристав 2-го участка Нарвской части передал приставу 3-го участка, а тот их направил администрации предприятия. Наконец, заведующий складом после отправления взысканной с Некрасова суммы по почте письменно известил об этом Старооскольское мещанское общество Курской губ. и попросил уведомить о получении⁵⁶.

Законодательством был предусмотрен и третий путь взыскания долгов с рабочих. Согласно статьям 50 и 53 «Положения о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ», податный инспектор уведомлял «подлежащее лицо или учреждение о невыдаче неисправному домохозяину следующих на пополнение недобора денег и о высылке их подлежащему волостному старшине»⁵⁷.

Через администрацию предприятий взыскивался весь спектр налоговых долгов, тем самым привязывая жизнь рабочих к хозяйственной организации. Так, в марте 1909 г. Санкт-Петербургская казённая палата возбудила дело о взыскании недоимок квартирного налога с работника казённого винного склада № 4 П.И. Шкулепа в размере 7,5 руб.⁵⁸ В апреле уже Санкт-Петербургская городская управа просила руководство предприятия произвести вычет из зарплаты Шкулепа в размере 3 руб. для уплаты ежегодного сбора за содержание собаки и пени в размере 1,5 руб.⁵⁹

Следует признать, что долгое время в трактовке фабричной инспекции взыскание государственных, мирских или частных долгов с рабочих путём удержания из их заработка не являлось прямой обязанностью фабрикантов. Они должны были лишь предоставить такую возможность. Об этом мы узнаём из разбора дела о забастовке, произошедшей в сентябре–октябре 1898 г. на кирпичном заводе Юдиной. Старший фабричный инспектор Московской губ. И. Фёдоров доложил по команде, что «1-го сентября с.г. заведующий кирпичным заводом Юдиной, явившись к участковому фабричному инспектору, сообщил, что местный становой пристав предъявил к нему требование об удержании с работающих на заводе крестьян Скопинского уезда Рязанской губернии из их заработка причитающиеся за ними недоимки казённого сбора. Когда заведующим, согласно сему, было сделано распоряжение по конторе, то рабочие, узнав об этом, в числе около 100 человек бросили работу и к ней в настоящее время приступить отказываются до отмены сделанного распоряжения. Сообщая об изложенном, заведующий просил соответствующих разъяснений и указаний»⁶⁰. Фабричный инспектор, ссылаясь на ст. 100 «Устава о промыш-

⁵⁶ Там же, л. 38–39.

⁵⁷ ПСЗ-III. Т. 19. Отд. 1. № 17286.

⁵⁸ ЦГИА СПб, ф. 1281, оп. 1, д. 248, л. 40.

⁵⁹ Там же, л. 47.

⁶⁰ РГИА, ф. 20, оп. 13а, д. 139, л. 13.

ленности» и суждения Государственного совета в «Справочной книге для чинов фабричной инспекции, фабрикантов и заводчиков» издания 1897 г., заявил, что «нет указаний собственно на обязательность для фабриканта производства удержания из заработка рабочих их недоимок и прочих сборов, а имеются таковые лишь относительно возможности этих удержаний и размера их»⁶¹. Он подчеркнул, что хотя на фабрикантах лежит «нравственная обязанность помогать в этом [удержании денег] правительству», они «могут от сего уклониться лишь в случаях, когда к тому имеется достаточно уважительная причина»⁶². Приостановку работы участковый инспектор признал достаточным основанием для отказа от удержаний. По совету инспектора заведующий сообщил обстоятельства дела приставу и просил его по составлении протокола о данном происшествии «принять какие-либо другие меры к взысканию недоимок»⁶³. В итоге все действия участкового инспектора были признаны правильными.

Однако существовала и со временем возобладала другая позиция государственных органов на роль фабрикантов в процессе взыскания долгов с рабочих. Циркуляром от 20 октября 1901 г. министр финансов установил, что «предъявляемые податным инспектором владельцам промышленных предприятий требования об удержании заработной платы работающих у них крестьян на пополнение окладных сборов как основанные на законе, подлежат безусловно обязательному исполнению со стороны фабрикантов и заводчиков, совершенно независимо от их на то согласия»⁶⁴. Соглашения податных инспекторов с владельцами промышленных предприятий впредь должны были касаться «исключительно формы и способа производства этих удержаний»⁶⁵. Кроме того, на фабричных инспекторов отныне не возлагалось «рассмотрение вопроса о том, производство каких именно удержаний для владельцев фабрик и заводов обязательно при выдаче рабочим причитающегося им заработка», а потому чины инспекции должны отзываться на просьбы по разъяснению данного вопроса «с особою осторожностью»⁶⁶.

Взыскание государственных и частных долгов с рабочих путём вычета из их жалованья производилось не только через административно-полицейские действия, но и в судебном порядке. После суда по получению исполнительных листов на предприятия составлялась «ведомость на удержанные деньги по исполнительным листам из жалованья рабочих за половину месяца»⁶⁷.

Вопрос о задаточных долгах рабочих неоднократно поднимался органами фабричной инспекции. Так, 13 декабря 1894 г. Киевским губернским по фабричным делам присутствием для директоров сахарных заводов, владельцев и заведующих кирпичными заводами был издан циркуляр, согласно которому «погашение заводоуправлением путём вычетов из заработной платы рабочих задатков, выданных им при заключении договора найма, должно производить-

⁶¹ Кобеляцкий А. И. Справочная книга для чинов фабричной инспекции, фабрикантов и заводчиков. СПб., 1897. С. 80.

⁶² РГИА, ф. 20, оп. 13а, д. 139, л. 13–13 об.

⁶³ Там же, л. 13 об.

⁶⁴ Громан В. В. Устав о промышленном труде (Св. зак. т. XI, ч. 2, изд. 1913 г., статьи 1–228 и 541–597) с правилами и распоряжениями, изданными на основании этих статей, с разъяснениями к ним Правительствующего сената и административных установлений, приложениями и указателями, алфавитным, предметным и сравнительным постатейным. Пг., 1915. С. 50.

⁶⁵ Там же. С. 51.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ ЦГИА СПб, ф. 1281, оп. 1, д. 248, л. 42, 121.

ся не на основании ст. 100 Уст[ава] о пром[ышленности], а на тех основаниях, которые изложены в особых условиях каждого отдельного найма и которые, согласно пункту 5 ст. 137 Уст[ава] о пром[ышленности], должны быть помещены в расчётной книжке рабочего»⁶⁸. Однако после рассмотрения этого вопроса Главным по фабричным и горнозаводским делам присутствием министры финансов и земледелия и государственных имуществ 26/28 марта 1901 г. приняли противоположное решение: «Задатки, выдаваемые рабочим управлениями промышленных заведений при заключении предварительного договора о найме, могут быть рассматриваемы или как “взятые рабочими вперед деньги”, или же как “долги рабочих”; в виду сего, на точном основании ст. 100 Уст[ава] [о] промышл[енности], с рабочего может быть удерживаемо на погашение сих задатков при каждой отдельной расплате не более одной трети причитающейся суммы, если он холост, и не более одной четверти, если он женат или вдов, но имеет детей»⁶⁹.

Эта позиция оставалась неизменной, о чём свидетельствует «Устав о промышленном труде» 1913 г.⁷⁰ Как и ранее, формально по ст. 56 «расплата с рабочими вместо денег купонами, условными знаками, хлебом, товаром и иными предметами» воспрещалась, а по ст. 57 при осуществлении рабочим платежей не дозволялось «делать вычеты на уплату их долгов»⁷¹. Однако в комментарии к этой статье уточнялось: «К числу таких долгов не относятся, однако, расчёты, производимые управлением предприятия за выданные рабочим вперед деньги, за продовольствие рабочих и снабжение их необходимыми предметами потребления из лавок предприятия. При расчётах за взятые рабочим вперед деньги, при взыскании податей и других сборов из заработной платы на предприятиях, а равно в случае предъявления исполнительного листа на денежное взыскание с рабочего, с последнего может быть удерживаемо при каждой отдельной расплате не более одной трети причитающейся ему суммы, если он холост, и не более одной четверти, если он женат или вдов, но имеет детей»⁷².

Устав оставлял много лазеек для его неисполнения. Например, в комментариях разъяснялось, что нельзя отождествлять харчи и предметы потребления и поэтому порядок снабжения рабочих харчами через поставщиков с последующим удержанием соответственной части из заработной платы не находился в противоречии с законом. При условии согласия заводоуправления и рабочих, соответствующей записи в расчётные книжки и в книгу счетов не воспрещалось производить удержания из заработной платы рабочих по их обязательствам, а также превышать доли причитающейся им суммы заработка. Это, однако, не относилось к удержанию за забранный в нефабричных лавках товар и всяким вычетам в пользу владельцев промышленных предприятий⁷³.

Итак, долг стал постоянным спутником повседневной жизни и деятельности рабочего класса России, а его размер был довольно значительным. Основной массив кредитных обязательств приходился на долги рабочих перед

⁶⁸ РГИА, ф. 20, оп. 13а, д. 121, л. 13 об.

⁶⁹ Там же, л. 20.

⁷⁰ Громан В.В. Указ. соч. С. 51.

⁷¹ Там же. С. 45.

⁷² Там же. С. 49.

⁷³ Там же. С. 52.

государственными или частными предприятиями, которые носили в целом кабальный характер. Задолженности возникали в первую очередь по причине бедности рабочих и повсеместных задержек заработной платы. С противоположной стороны присутствовали два мотива кредитования нанятых работников: невозможность в ряде производств найма без задатка и желание предпринимателей кабально закрепить рабочих и нажать за их счёт. Второй статьёй долговых обязательств рабочих стали казённые и общественные сборы, начёты, недоимки, пени и т.п. Для их взыскания в империи был установлен чёткий бюрократический механизм, важным звеном которого являлось тесное взаимодействие полиции и администрации предприятий. В результате задолженность стала одним из ключевых экономических факторов в русской промышленности.